

не поделенным на стаси — домениальным землям и землям, переданным в аренду, т. е. понималось ли такое противопоставление как правовой прецедент или как правовая норма. Иными словами, неясно, стало ли понятие «паричская стась» неотъемлемым атрибутом всякого паричского надела. Не исключено, что иногда, если парик покидал свой надел, покинутая стась теряла характер надела определенного правового статуса и приобщалась к остальной земле, не поделенной на стаси. Ивирские практики неоднократно упоминают о покинутых землях, не называя их первоначальных держателей, включенных в общий комплекс земель, не находившихся в паричском держании. Иными словами, понятие «паричская стась» как определенный правовой институт, по-видимому, находилось в XIV в. еще в стадии формирования.

Таким образом, в структуре владельческих прав зависимого крестьянства поздней Византии произошли по сравнению с соответствующими правами античных колонов известные структурные изменения, состоявшие в признании за париками большего элемента *animus possidentis* по сравнению с положением античных колонов. В то же время сохранился основной тип структурных связей: зависимое население по-прежнему признавалось владельцем земли *alieno nomine*.

Структура византийской парикии позднего времени отличалась от позднеримского колоната не только в отношении объема юридических прав на землю, но и с точки зрения особенностей эксплуатации. Мы уже отмечали, что основным компонентом византийских феодальных рент были ренты частноправового характера. Ренту частноправового характера платили также и позднеримские колонны. Наряду с частноправовой рентой и колонны и поздневизантийские парики платили государственные налоги. Однако структурные особенности эксплуатации колонов состояли в преобладании централизованного типа эксплуатации посредством взимания налогов, тогда как для структуры эксплуатации париков характерно, как отмечалось выше, постоянное возрастание роли частноправовой ренты.

Непосредственное влияние античных традиций чрезвычайно ярко проявилось в сфере налогообложения. До конца существования империи в Византии по существу сохранились основные черты Диоклетиановой системы и структуры налогообложения. Эта система никогда официально не отменялась и ни разу не подверглась существенному реформированию, хотя на протяжении столетий под влиянием сложного переплетения различных общественных, политических и правовых факторов она претерпела, естественно, определенные изменения²⁹.

²⁹ Существует точка зрения, согласно которой определенные изменения в структуре Диоклетиановой системы обложения произошли в VII в. Эти изменения будто бы заключались в исчезновении единства между подушной и поземельной податями. Литература вопроса см. в историографическом обзоре: А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1959). — ВВ, XXII, 1963, стр. 127 сл. Однако, как показали новейшие исследования, единство подушной и поземельной податей отнюдь не составляло основного типа структурных связей Диоклетиановой системы. Нередко подушная и поземельная подати взимались отдельно. Есть также мнение, согласно которому основные принципы Диоклетиановой системы оставались в силе на протяжении всей византийской истории. Так полагает, в частности, Ф. Дэльгер (F. Dölger. Beiträge..., S. 48). В то же время он считает, что от конкретных финансовых учреждений Диоклетиановой системы в поздней Византии не осталось камня на камне (ibid., S. 9). Однако Дэльгер не показывает, в чем конкретно в средне- и поздневизантийский период проявились черты, свойственные Диоклетиановой системе. А. П. Каждан пытается доказать, что в позднее время принципы этой системы окончательно исчезли (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 145). Однако он слишком схематично подходит к проблеме. Многие его выводы представляются нам неверными.